

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ УРОВНИ: МЕРА НЕРАЗЛИЧЁННОСТИ, МЕРА РАЗЛИЧИЯ, МЕРА РАЗЛИЧЕНИЯ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫМ И ТРАНСЦЕНДЕНТНЫМ (В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛЕЙ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ)

EPISTEMOLOGICAL LEVELS: MEASURE OF INDISTINCTNESS, MEASURE OF DIFFERENCE, MEASURE OF DISTINCTION IN RELATION TO TRANSCENDENTAL AND TRANSCENDENT (IN THE CONTEXT OF MODELS OF PERSONAL BEING)

N. Nikolov

Summary. The study subject is the hierarchical interrelationships of epistemological levels in the context of the theory of alphabetic plans. The study object is the correlation of models of personal being with epistemological categories (indistinctness → difference → distinction). The study aim is to show the limitations of the transcendences of the epistemological categories of the measure of indistinctness and the measure of difference before the measure of distinction. The method of reflexive intentional analysis, the method of transcendental-phenomenological reduction, the method of phenomenological description, the method of generic realism was applied. The advantages of the epistemological category of the measure of discrimination before the levels of indistinctness and the measure of difference are revealed. The instrument of great reflection (difference of differences) is shown in overcoming the limited transcendence of the absolute spirit being-in-itself. It is proved the self-consciousness of the soul (as the letter emanation of word) makes it possible to avoid the crystallization of the phenomena of «purity of intellect, purity of mind, the purity of reason, purity of the wit» in personal existence. The philosophy of prescriptionism in relation to the theory of alphabetic plans of the languages of the world is a phenomenon of singular and special is presented. Based on the works of G. F. Hegel, A. A. Sviridov clarifies the essence of the epistemological category of «indistinctness» as a measure of nonexistence (definition of a zero-dimensional personal non-being). This category is compared with the archetypes of the collective unconscious, derived from the source of Western European psychological types — the alphabetic plan of one-dimensionality — this is the category of the «infinite negative», which is the basis of the existence of a one-dimensional personality.

Keywords: indistinctness, measure of difference, measure of distinction, one-, two-, three-dimensional models of personal being, philosophy of three-dimensionality, transcendent, transcendental, spirit, soul, being.

Николов Никита Олегович

*Доктор философии (PhD), ответственный секретарь издательского отдела, Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования
nikolov_1989@mail.ru*

Аннотация. Предметом исследования являются иерархические взаимосвязи эпистемологических уровней в контексте теории азбучных планов. Объектом исследования является корреляция моделей личностного бытия с эпистемологическими категориями (неразличённость → различие → различение). Цель исследования: показать ограниченность трансценденций эпистемологических категорий меры неразличённости и меры различия перед мерой различения. Применялся метод рефлексивного интенционального анализа, метод трансцендентально-феноменологической редукции, метод феноменологической дескрипции, метод родового реализма. Раскрываются преимущества эпистемологической категории меры различения перед уровнями неразличённости и мерой различия. Показывается инструмент большой рефлексии (различия различий) в преодолении ограниченной трансценденции абсолютного духа в-себе-бытие. Доказывается, что самосознание души (как буквенной эманации слова) позволяет избежать кристаллизации в личностном бытии феноменов «чистоты интеллекта, чистоты ума, чистоты рассудка, чистоты разума». Выводится суждение о том, что философия рецептуализма по отношению к теории азбучных планов языков мира это явление единичного и особенного. На основе работ Г. Ф. Гегеля, А. А. Свиридова уточняется сущность эпистемологической категории «неразличённости» как меры небытия (дефиницией нульмерного личностного небытия). При сравнении данной категории с архетипами коллективного бессознательного, выводимыми из источника западноевропейских психологических типов — алфавитного плана одномерной размерности — это категория «бесконечного негатива», являющегося основой бытия одномерной личности.

Ключевые слова: неразличённость, мера различия, мера различения, одно-, двух-, трёхмерные модели личностного бытия, философия трёхмерности, трансцендентность, трансцендентальность, дух, душа, бытие.

Введение (теоретический анализ, постановка проблемы)

Впервые в научном мире серьёзная попытка систематизации пределов познаваемости мира была произведена И. Кантом. Его суждения о уровнях доступности познания истины были выражены посредством категорий трансцендентного, трансцендентально-го и имманентного. Дальнейшие исследования по установлению границ познаваемого в рамках понятий трансцендентальное, трансцендентное были продолжены в неокантианстве [16; 19; 20; 21].

Всё что связано с трансцендентальным И. Кант связывал с координационной структурностью сознания — рассудком: «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori» [6, С. 121]. Хотя в тексте работы «Критика чистого разума» мы встречаем и противоречивое суждение, что: «Таким образом, трансцендентальная философия есть наука одного лишь чистого спекулятивного разума» [6, С. 124]. В этом случае можно было бы провести отдельное исследование, с чем же по итогу связано трансцендентальное по мнению И. Канта, однако решение этой проблемы мы предложим более простое и более эффективное.

Ещё уточним, что трансцендентальное применение понятий упускает различие между вещами для нашего восприятия и их истинным бытием. Трансцендентное, наоборот, показывало возможность установления различий между вещами, делая возможным познание отдельных понятий чистого разума [12, С. 596, 597].

Важным моментом в определении трансцендентального мы считаем его предмет — это упорядочивание видов познания a priori, а мы бы прибавили — уровней. Вместе с тем необходимо учитывать, что семантика слова «Vernunft» (нем.), обозначающее понятие «разум» в философии И. Канта несёт в себе процесс бифуркации на: 1) рассудочные формы сознания, 2) формы самосознания «разума». Однако эти понятия облакаются чаще в такие их заменители в немецком языковом мышлении, как: «чистый рассудок», «чистый разум».

Равно как и современные грамотные суждения об уровнях познаваемости бытия через термины трансцендентального, имманентного всё же остаются в пределах философом о абсолютном духе [13]. Это вновь доказывает, что используемая рефлексия авторами над работами И. Канта не учитывает, что этимология понятия «разум» исходила из дихотомии конгломерата слова «vernunft» (нем.). Которое репрезентирует бытие семантической бифуркации феномена рассудок и разум.

Поэтому, по сути, основной функционал познания мира человека в рамках трансцендентальности азбучного плана двухмерной размерности (к которой согласно теории азбучных планов относится и немецкий язык) лежит только в пределах сознаний интеллекта, ума. Ранее мы вслед за исследованиями А.А. Свиридова подтверждали факт отсутствия материальных форм феноменов рассудка, разума в немецком языке. Получается, что весь объём трансцендентального (непознаваемого «чистым разумом» — квази-разум), как его понимал И. Кант — это объём сознаний рассудка, разума, сознания души в конгруэнтных для их форм опыта именах.

Что является следствием того, что первичная моделирующая система немецкого языка не обладает материальными носителями феноменов рассудка, разума, души, иначе характеризуется отсутствием их превращённой формы «verkwandelte Form» или их архетипов в коллективном бессознательном немецкоязычного социума. Следствием отсутствия материальных носителей сознаний и самосознаний рассудка, разума является адаптация в подобных социумах психологии масс вида — «шизо». Фактически это и есть проявление масштабной модели «одномерного человека». И не зря на рубеже 20–21 века появляются такие произведения, и труды (особенно в постмодернизме), которые пытались данный массовидный феномен («шизо») преодолеть, однако безуспешно [18; 9, С. 748].

Данный термин «первичной моделирующей системе» понимается нами не только на уровне синтактики (как её понимали в теории ранней Тартуско-Московской семиотической школы), но и в прагматичном смысле слова, как динамичной системы бытия того или иного социума [5]. При этом в нашем подходе этот термин уточняется в рамках теории азбучных планов, которая раскрывает и систематизирует три разновидности данных моделей: 1) квазиалфавитный план одномерной размерности (все иероглифические псевдоалфавитные системы), 2) алфавитный план двухмерной размерности (все 19 евразыков), 3) азбучный план триединства мироздания (русский язык).

Смысл данного уточнения в рамках исследования в том, что оказывается трансцендентальное и трансцендентное имеют свои пределы непознаваемости и познаваемости в рамках каждой из первичных моделирующих систем. При этом в рамках одно-, двухмерных алфавитных планов ограничение трансцендентального и трансцендентного оказываются в пределах сознаний рассудка, разума, самосознания души. Трансцендентное при этом может постичь только элементы рассудочной деятельности и ситуативные элементы деятельности разума. Поэтому не зря в социокультурном контексте развития в философии иудаизма понятие души уравни-

вается с духами, призраками, а теологические суждения о ней в Торе содержат множественные суждения о её трансцендентальной (недоступной) природе для правоверного иудея. Она (душа) в этих суждениях очень часто является, что поразительно, фактически «разменной монетой» перед ветхозаветным богом-духом Иеговой за вполне безобидные для человека отступления от распорядка дня. Итоговым суждением этих выводов является выявление прямой корреляция одно-, двухмерных моделей личностного бытия и одно-, двухмерных алфавитных планов (все 19 евразыков и иероглифические языки, в том числе и иврит). В ранее опубликованных исследованиях, посвящённых установлению этой корреляции, мы детально показывали всю ограниченность одно-, двухмерных моделей личностного бытия [9].

Также ранее уже доказывалось, что в рамках первичной моделирующей системы русского языка, моделируется полнодуховное бытие (соборное) Вселенной, а также и личностное бытие посредством трансценденций трансцендентальности сознания и самосознания души.

При этом двойная рефлексия, или так называемая «большая рефлексия» (термин введён философией рецептуализма), исходящая от самосознания души, в отличие от самосознания духа (как его понимал Г.Ф. Гегель) способна развивать, усовершенствовать самосознание рассудка, разума, а также самосознания интеллекта, ума.

При этом любой из уровней и видов познания связан с актом рефлексии, или различением вида уровня сознания которым было порождено то или иное суждение. И. Кант об этом указывал так: «Но все суждения и даже все сравнения нуждаются в рефлексии, т.е. в различении той познавательной способности, к которой принадлежат данные понятия» [6, С. 362].

Понятие рефлексии по И. Канту следующее: «Рефлексия (reflexio) не имеет дела с самими предметами, чтобы получать понятия прямо от них; она есть такое состояние души, в котором мы прежде всего пытаемся найти субъективные условия, при которых можем образовать понятия» [6, С. 361].

Другой представитель немецкой классической философии — Г.Ф. Гегель в рефлексии находит единство онтичности биологического организма: «Рефлексия в действии или реакции и действие или реакция в рефлексии есть именно то, единство чего составляет органическое,— единство, которое равнозначно органическому воспроизведению» [3, С. 145]. Что фактически на классическом философском уровне закрепляет тупиковую формулу познания пределов бытия вида: «всё биологическое одновременно может восприниматься как психологическое; всё биологическое — психологично» [3,

С. 145]. Что является типичной редукционной когнитивная установка для биопсихологии, разработанной ранее в трудах Э. Маха.

Если судить о рефлексии, как её понимал Г.Ф.В. Гегель, то она для «разума» подобна интегралу меры всех вещей: «Сознание в себе самом даёт свой критерий, и тем самым исследование будет сравнением сознания с самим собою: В сознании одно есть для некоторого иного, или: ему вообще присуща определённость момента знания; в то же время это иное дано не только для него, но также и вне этого отношения, или в себе; это момент истины. Следовательно, в том, что сознание внутри себя признает в качестве в-себе[–бытия] или в качестве истинного, мы получаем критерий, который оно само устанавливает для определения по нему своего знания» [3, С. 47].

Однако, рефлексия, ни в исследованиях И. Канта, ни в работах Г.Ф. Гегеля не выходит за периметры трансцендентного и трансцендентального абсолютного духа, как абсолютного условия возможного опыта. Вместе с тем преодоление аттракции личностного бытия к ограниченной в-себе бытия абсолютного духа возможно в рамках методологических подходов философии трёхмерности, использующей инструмент большой рефлексии для освоения меры различения. Перспектива преодоления аттракции меры неразличённости и меры различия до меры различения это возможность осваивать личности конгруэнтную своему имени феноменологию души.

Результаты и их обсуждение (экспериментальная часть)

Начав с исторического обзора научных изысканий по установлению границ познаваемости, мы в рамках классических работ получили важный, по нашему мнению, инструмент интегрирования уровней познания бытия — рефлексия.

Вместе с тем стоит отметить, что рефлексия, а также и двойная рефлексия, оценивая суждения относительно неё в работах И. Канта и Г.Ф. Гегеля не поднимается выше понятий сферы трансцендентности духа абсолютного. В работах Г.Ф. Гегеля фигура абсолютного духа конъюнктура. В работах же И. Канта к ограниченной фактуре в-себе бытия «абсолютного духа» можно причислить: 1) чистые рассудочные понятия, которые соответствуют имени «бог» и 2) условия возможного опыта (так им определяется «дух») (Критика чистого разума).

Анализируя работы современных авторов относительно рефлексии [2; 4; 14, С. 60–65; 17] необходимо отметить, что единственный кто обращает пристальное внимание на амбивалентную природу рефлексии

в виде возможной латентной корреляции с сознаниями рефлексов биологических организмов это А. А. Свиридов. При этом в контексте его работ допустимо суждение, что рефлексии, производимые посредством органа мышления в виде алфавитных планов одно-, двухмерной размерности неотличимы от субстанций сознаний рефлексов. В данном случае имеется ввиду указание на масштабное использование ограниченной модели бытия социумами, осмысляющих свои рефлексии в пределах алфавитных планов одно-, двухмерной размерности. Суть данной модели бытия, ограничивающей в свою очередь и личностные модели бытия в виде явного или скрытого процесса отождествления сознанием феноменов биологического и психологического проявления бытия. Краткая формула которой выглядит следующим образом: «всё психологическое — биологично».

Метод трансцендентальной рефлексии особо важен в определении уровней трансцендентальных пределов познания бытия, однако является не вполне достаточным в пределах рефлексии духа, духа абсолютного, рефлексий «чистых рассудочных понятий», и даже в процессе её бесконечных повторений.

О недоступности некоторых уровней познания ранее сообщалось в научных сообщениях западных учёных [22, С. 231], однако они не рассматривали в качестве причины данных ограничений — то какой именно первичной моделирующей системой пользуется индивид. В этом контексте нужно пояснить, что сегодня имеется серия философских научных работ [8], направленных на изучение личностного бытия в контексте теории азбучных планов. Данная теория, познающая первичные моделирующие системы способна преодолевать имманентные и трансцендентные системные ограничения матриц бытия. Ограниченные матрицы бытия выражаются следующими формулами: «всё биологическое является одновременно и психологическим», «идеальное — первично, материальное — вторично», «информация — первична, материя — вторична», «материя — первична, идеальное — вторично».

Альтернативой ограниченным матрицам бытия данной теорией предлагается формула: психичность, время, психологичность. Данная матрица предполагает в себе использование большой рефлексии, конгруэнтной эпистемологической категории знаний — меры различения. Благодаря наличию в ней паттернов конгруэнтного своей онтологии сознания души дух не способен безотносительно выводить сознания ума, рассудка, разума в «ничто» своего бытия. Иначе, феноменология духа корректируется от выпадения его «тела» в сознания людей в виде явлений: «чистота ума», «чистота рассудка», «чистота разума» [11].

Возвращаясь к уровням пределов познания от одного из важных инструментов познания — рефлексии, можно заметить, что феномен отсутствия различия, «неразличённость» в философии Г.Ф. В. Гегеля равен по своему смыслу понятию «трансцендентального» в философии И. Канта. В то время, как трансцендентные суждения сознательно нарушая границы познаваемости приходят либо к мере различия, либо к мере различения (различия над различиями).

Данная связь понятий различия, неразличённости (отсутствия меры различия, различения — мера Небытия), меры различения через классические и неклассические философские работы позволяет выйти на универсальный понятийный аппарата философии трёхмерности, частью которой сегодня является и философия рецептуализма. Через данные универсалии мы можем показывать не только пределы познаваемости во взаимосвязи с мощностью рефлексий феноменов души и духа, но и показывать важность участия в этих процессах первичных моделирующих систем. Уточняя скажем, что в рамках первичных моделирующих систем заложена потенция возможности освоения индивидами уровней, границ познаваемости через понятие «периметров букв» [11].

Заключение (выводы)

По итогу исследования делаем следующие выводы:

1. источник одномерной модели личностного бытия — квазиалфавитный план одномерной размерности, располагает мерой неразличённости уровней сознаний, которые могли бы давать отделение понятий вещи в нашем понимании и вещи самой по себе. Что порождает феномен абсолютизации духа, не обладающего своим собственным сознанием, но использующего раздвоение сознаний и самосознаний интеллекта, ума. В рефлексии единичной, двойной в рамках мышления на базе данных языковых систем бытие рассудка, разума, самосознания души не различается, становясь трансцендентальным для носителей данных языковых систем.

2. источник двухмерной модели личностного бытия — алфавитный план двухмерной размерности, располагает уровнем меры различия в пределах первичной и вторичной рефлексии. Однако данные рефлексии производятся под контролем познавательного процесса духа абсолютного, который осмысливает себя через людей (классическое определение абсолютного духа).

Таким образом, окончен обзор методологических оснований первичных моделирующих систем, создающих предел трансцендентного для сознания человека только на уровне сознаний и самосознаний интеллекта, ума;

отличительной чертой в семантическом контексте первичных моделирующих бытие систем, структурированных посредством алфавитных планов одно-, двухмерной размерности на уровне семантики является наличие лигатур, дифтонгов, гематрий; на уровне прагматической стороны бытия человека на фоне неразличимости бытия души и духа — это действия по замене норм морали в современном мире на транскультурные толерантные «нормы».

К примеру, одним из элементов языкового бытия данных систем является понятие «фацинус», трансцендентально не различающее процесс автозамены понятий добра и зла друг другом. Следствием в прагматическом бытие оциума, носителя данной семантики являются суждения, что военная эскалация против целых народов это не зло, а благо для этих социумов. Подобная философия была допустима в трактовках текстов Нового Завета — религиозные войны 11–15 веков (войны против мусульман), 16–17 веков, в трудах по национал-социализму (Вторая мировая война).

Отдельно стоит обратить внимание на особенность изложения религиозно-философских трактатов иудаизма в заповедях — «Делай» (Дварим 20:16–17; Дварим 12:3). Автор усматривает в них признаки исторического нормирования автозамены эстетики добра и зла, что, конечно же, является предметом отдельного исследования, но эмпирически этот факт всё же установлен [15]. Вместе с тем и сегодня, опираясь на тексты Ветхого Завета активисты религиозной философии христианства заявляют о норме убийства отдельных людей или даже народов, неугодных той или иной государственной системе (интервью В. Чаплина радиостанции «Эхо Москвы»).

Также в философии религии иудаизма имеет место быть преобладание рефлексий биологических над рефлексиями духовными. Согласно одному из трактатов иудаизма — «Люди первых поколений [после получения Торы] обладали душами, спустившимися в этот мир с высших Божественных уровней, и благодаря этому они могли самостоятельно подчинить себе злое начало в своих животных душах.» [1, С. 21]. То есть в рамках первичной моделирующей системы иврита через матрицу антиномий, противоречий, «зла» ($A=M+W$) в феноменологию души была изначально внедрена дефектность её структуры. Душа в иврите осмысливается одновременно и как дух, и как призрак, и как привидение, иначе — в виде ктонической сущности [10, С. 391].

Также добавим, что любые новые инварианты нейрофеноменологических моделей сознаний, которую фиксируют сегодня западные учёные [20, С. 68–77.], но которая развивается в пределах трансценденций одно-,

двухмерных моделей личностного бытия тождественно ограничена одно-, двухмерной модели бытия Вселенной: «сознание — первично, материя — вторична».

3. источник трёхмерных моделей личностного бытия — алфавитный план трёхмерной размерности (содержится только в русском языке), располагает уровнем меры различения в пределах первичной и вторичной рефлексии. Данные рефлексии производятся под контролем познавательного процесса души, что позволяет осмысливать сознания интеллекта, ума, рассудка, разума вне категорий Ничто (ранее мы уточняли, что дух, согласно работам Г.Ф. В. Гегеля частично проходит состояния небытия).

Таким образом, окончен обзор методологических оснований первичных моделирующих систем, создающих предел трансцендентного для сознания человека уже на уровне самосознаний сознания души. Однако данный трансцендентный предел в своей динамике не погружается в состояния своего небытия в отличие от духа асбсолютного (см. работу Г.Ф. Гегеля — Феноменология духа).

При этом моделирующая система русского языка позволяет пресекать популяризацию тупикового образа «человека-звёздного» (Адама Кадмона), являющегося ветхозаветным примером гермафродитизма. Взамен пресекаемой модели одномерного человека (А. Кадмона) трёхмерная модель русского языка — азбучный план триединства мироздания раскрывает перспективы человека-соборного. При этом понятие соборности в данном случае много шире парадуховной трактовки в двухмерной философии российской религиозной мысли. Российская религиозная мысль, опирающаяся на «святотечественные труды» допускает парадуховный процесс поглощения/нивелирования души богом-духом (абсолютом).

В целом видим, что трансценденции знаний меры различения шире трансценденций эпистемологических категорий меры различия и неразличённости. Трансценденции большой и малой рефлексии в рамках феноменологии духа это частное и единичное явление перед большой и малой трансцендентной рефлексией самосознания души. Формула философов «всё биологическое одновременно и психологично» поддерживаются и поддерживались научными, околонучными концепциями, ограничивающих личностное бытие в пределах одно-, двухмерных моделей. Особенностью одно-, двухмерных моделей личностного бытия является отрицание бытия души, растворение её бытия в феноменологии духа.

Аналоговыми формулами для преодоления феноменологии духа, обладающего мощностями малой рефлексии (меры различия) и переход к феноменологии

души являются такие, как: «всё буквенное — психологично»; 2) и её высшей формулой в эстетике философии трёхмерности: «всё буквенное — божественно» (аналог суждения в рецептуализме — «символ бессмертен»). Подобные формулы в контексте трёхмерной модели бытия Вселенной: психичность-время-психологичность порождает объёмную нейрофеноменологическую модель сознания — соборное сознание. В данном случае соборное учитывает различие души, как буквенной эманации слова, а духа, как числовой эманации цифры, что значительно шире понятия соборного при абсолютизации ограниченности бога-духа в «святоотечественной» философии.

Использование эстетики рецептуализма, эстетики деконструктивизма (Жака Дериды) дополненной силлогизмами философией трёхмерности позволяют в свою очередь существенно расширять эстетику онтологии числа до эстетики онтологии буквы-символа.

Подобный переход: конструктивизм → постмодернизм → рецептуализм → философия трёхмерности это выход на метаэстетику меры различения, способную пресекать традицию смешения эстетики добра и зла в единый конгломерат, которая характерна для эпистемологических уровней: меры различия и мера неразличённости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брановер Г. (ред.) Трактат Авот. — Иерусалим: Шамир, 1999. — С. 21
2. Внуков Д. А. Функции и границы трансцендентальной рефлексии в феноменологическом исследовании: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 // Д. А. Внуков. — СПб., 2004. — 150 с.
3. Гегель Г. Ф. В. Сочинения в 14 томах. Том 04. Феноменология духа. — М.: Издательство Социально-экономической литературы, 1959. — С. 145.
4. Зайцева Н. В. Историософия как метафизика истории: опыт эпистемологической рефлексии: опыт эпистемологической рефлексии: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 // Н. В. Зайцева. — Самара, 2005—297 с.
5. Зализняк А. А. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем / А. А. Зализняк, В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Структурно-типологические исследования. — М.: Издательство АН СССР, 1962.
6. Кант И. Критика чистого разума. — Пер. с нем. Н. Лосского. — М.: Литература, 1998. — С. 121
7. Молчанов В. И. Предпосылка тождества и аналитика различий / В. И. Молчанов // Логос. — 1999. — № 11–12. — С. 183–208.
8. Николов Н. О. Виды моделей уровней личностного бытия во взаимосвязи с моделями бытия мира / Ярычев Н. У., Николов Н. О. // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2018. — № 1. — С. 97–102.
9. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. — Мн.: Современный литератор, 2007. — С. 748.
10. Подольский Б. Алфавитно-корневой иврит-русский словарь. Рольник, 1992. — С. 391.
11. Свиридов А. А. РАССУДОК СВЕТА [суперфэнтэзи] / Свиридов Андрей Александрович. — Челябинск. — М.; Челябинск: 2018 (неоконченная рукопись).
12. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. — М.: ИНФРА-М, 2005. — С. 596, 597
13. Сухинина Л. В. Иррациональное и трансцендентальное в концепции познания / Л. В. Сухинина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2011. — № 10. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/irrationalnoe-i-transtsendentalnoe-v-kontseptsii-poznaniya> (дата обращения: 02.08.2018).
14. Толстая С. В. Анализ понятия рефлексия в психологической литературе / С. В. Толстая, О. В. Бондаренко // Проблемы современной науки и образования. — 2017. — 33 (115). — С. 60–65.
15. Тора (Пятикнижие Моисеево) с классическим комментарием «Сончино» / Перевод: П. Гиль, З. Мешков. — Иерусалим: Гешарим, 1999. — 1463 с.
16. Торгашин А. Ю. Философия агностицизма и проблема научной познаваемости мира: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / А. Ю. Торгашин. — Санкт-Петербург, 2013. — 183 с.
17. Филатова О. В. Рефлексивность как детерминанта деятельности исполнительского типа: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 // О. В. Филатова. — Ярославль, 2003. — 158 с.
18. Фуко М. Психическая болезнь и личность / Пер. с фр., предисл. и коммент. О. А. Власовой. Изд. 2-е, стереотип. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. — 320 с.
19. Barušs I. et al. Transcendent mind: Rethinking the science of consciousness. — 2017.
20. Berkovich-Ohana A., Glicksohn J. Meditation, absorption, transcendent experience, and affect: Tying it all together via the consciousness state space (CSS) model // Mindfulness. — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 68–77.
21. Kanth R. Against Eurocentrism: A transcendent critique of modernist science, society, and morals. — Springer, 2016.
22. Nisbett R. E., Wilson T. D. Telling more than we can know: Verbal reports on mental processes // Psychological review. — 1977. — Т. 84. — № 3. — С. 231

© Николов Никита Олегович (nikolov_1989@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»